
ВОСПОМИНАНИЯ К. Н. СЕРБИНОЙ О РАБОТЕ В ЛОИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ*

О том, что началась война, я узнала, выйдя в воскресенье 22 июня утром за продуктами. На Литейном проспекте я услышала сообщение по радио о том, что уже несколько часов идет война. Должна сказать, что в первый момент я не осознала весь трагизм случившегося, слова о войне, исходившие из громкоговорителя, как-то не вязались с ярким солнечным днем, с празднично одетыми людьми. Хотя я, как и все советские люди, знала о надвигающейся опасности, но все же не верилось, что война может разразиться.

Начиная с 1927 г. я работала в Постоянной историко-археографической комиссии, затем в Историко-археографическом институте, который в 1938 г. был преобразован в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), война застала меня старшим научным сотрудником ЛОИИ. Накануне войны в ЛОИИ работало 43 научных сотрудника, среди них 3 академика (Н. С. Державин, С. А. Жебелев и Е. Тарле), 6 докторов наук и 19 кандидатов. Возглавлял ЛОИИ д. и. н. М. Левченко, ученым секретарем и секретарем парторганизации ЛОИИ была Е. И. Бочкарева. ЛОИИ в то время помещалось в здании Библиотеки АН СССР (БАН) и занимало 8 больших комнат в правом крыле первого этажа, помещение было неудобным и крайне холодным.

* Машинописный текст «Воспоминаний К. Н. Сербиной...» хранится в Архиве СПбИИ РАН. Он был передан автором незадолго до смерти. В настоящее время в Архиве хранятся документы личного фонда К. Н. Сербиной, которые находятся в стадии описания. Дирекция Института и редколлегия издания приняли решение, учитывая большой вклад Ксении Николаевны в историю изучения и сохранения материалов Архива во время Ленинградской блокады (1941–1944), опубликовать ее воспоминания в 2015 г. — юбилейный год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Текст публикуется без комментариев.

В первые же месяцы войны на фронт ушли 7 сотрудников ЛОИИ — В. М. Качаков, Г. Е. Кочин, Кухарский, С. Л. Утченко и У. А. Шустер.

С первых же дней войны, не прекращая плановой работы, ведущие ученые ЛОИИ приступили к написанию статей и книг на военно-патриотические темы. Эти статьи и брошюры издавались в Ленинграде немедленно, массовым тиражом и быстро расходились. Уже летом и осень 1941 г. был написан и опубликован ряд научно-популярных книжек и большой сборник документов «Отечественная война 1812 года».

Выступали сотрудники ЛОИИ и в периодической печати, так уже в 20-х числах июня академик Тарле опубликовал статью в «Ленинградской правде» «Фашизм — злейший враг культуры»; 6 июля С. Н. Валк, Ш. М. Левин и А. В. Предтеченский поместили статью «Могучая сила» в газете «Смена», а 23 августа академик Державин, О. Л. Байнштейн, С. Н. Ковалев, С. Н. Валк, К. В. Предтеченский, Ш. М. Левин и Е. И. Бочкарева в газете «На страже Родины» напечатали статью «Вражеские полчища никогда не были и не будут в Ленинграде».

Написанные сотрудниками ЛОИИ брошюры и статьи звали на борьбу с врагом, воспитывали чувство патриотизма, глубокое уважение к героическому прошлому советского народа.

Звучал голос сотрудников ЛОИИ и по радио, зовя всех советских людей к беспощадной борьбе с захватчиками. Много сил отдали ученые ЛОИИ пропагандистской и лекционной работе, читая лекции в частях Красной Армии и на кораблях Балтийского Флота.

Летом и осенью 1941 г. все сотрудники ЛОИИ занимались упаковкой и переноской в цокольный этаж БАН документов архива и наиболее ценных книг библиотеки ЛОИИ.

С самого начала войны все сотрудники ЛОИИ принимали участие в оборонных работах — выезжали на рытье окопов, противотанковых рвов, во время одного из таких выездов чуть не попали в окружение, а также в устройстве окопов, щелей, укрытий, баррикад в самом городе, в частности я рыла и оборудовала щели на Марсовом поле, в оборудовании здания БАН защитными средствами (огнетушителями, песком, водой, закладке окон мешками с песком и т. д.); в несении противовоздушной обороны на своем объекте (БАН и в домах, где мы жили), которое с начала войны до первых бомбежек и артобстрелов заключалось в простом стоянии на крыше объекте и наблюдении за немецкими самолетами, которые по несколько раз в день кружились над городом с разведывательными целями.

Должна сказать, что первое время, до начала сентября, война казалась мне какой-то нереальной и во всяком случае очень далекой, а Ленинград вне всякой опасности. Так было до первой бомбежки 4 сентября 1941 г., когда я во время налета дежурила на крыше своего дома по улице Петра Лаврова, 8. Вот тут-то я впервые услышала отвратительный воющий и одновременно шуршащий звук падающей бомбы, услышала близкие разрывы снарядов, увидела пламя пожаров. Тогда я поняла, что Ленинград в опасности. С 4 сентября начались ежедневные, систематические, жестокие бомбежки и артиллерийские обстрелы Ленинграда, длившиеся до 20 числа января 1944. Теперь уже дежурившим на крышах приходилось сбрасывать и тушить зажигательные бомбы, мне этого не приходилось делать, т. к. в мои дежурства этого не случалось.

В первую же бомбежку соседний дом с моим (Петра Лаврова, 10) был расколот пополам, у нас в комнате вылетели в окна все стекла, окна пришлось забить фанерой, старыми одеялами и до весны погрузиться в полную круглосуточную темноту. В то время я жила вместе с отцом и матерью. Мы сразу же завели себе буржуйку. Дрова у нас были, но во время очередной бомбежки бомба попала в наш дровяной сарай, прошла его насквозь и разорвалась в канализационном люке, наш дом подпрыгнул как мяч, но уцелел, а дрова разлетелись не только по соседским дворам, но и по улицам. Собрать удалось лишь малую часть, поэтому на зиму мы остались без дров.

Организованной эвакуации сотрудников ЛОИИ до начала блокады проведено не было, товарищи разъезжались кто как мог, в частности, работавшие по совместительству в Университете С. Н. Валк и И. И. Смирнов уехали с Университетом; Р. М. Тонкова уехала с Военно-медицинской академией, где работал ее муж, в Самарканд; М. П. Вяткин, находившийся в начале войны в командировке в Алма-Ате, там и остался на все время войны, поэтому сотрудники ЛОИИ оказались в самых разных местах — Ташкенте (большинство), Алма-Ате, Казани, Елабуге, Самарканде. Большинство же сотрудников осталось в Ленинграде, что повлекло за собой большие потери, особенно в самый тяжелый период блокады с декабря 1941 по март 1942 года.

Фашисты вторглись на территорию Ленинградской области в начале июля, к середине августа вышли на ближайшие подступы к Ленинграду, а 8 сентября, захватив Шлиссельбург, блокировали город, началась блокада, длившаяся 900 дней.

Сразу же снизились нормы выдачи хлеба, постепенно они дошли до 125 граммов служащим, да и качество его резко ухудшилось; остальные

продукты либо не выдавались, либо давали их крайне не регулярно. Зима 1941–42 гг. была ранняя и очень холодная. Морозы были устойчивы и доходили до -35°C ; выпала масса снега, улицы были буквально завалены им, снег некому было убирать, и люди протаптывали узенькие тропинки, на путях стояли занесенные снегом трамваи, брели одинокие прохожие, причем нельзя было определить их возраст и пол, тянулись саночки и тележки, а то и просто листы фанеры с опутанными как мумии трупами, часто трупы лежали просто на улицах и приходилось перешагивать через них, т. к. из-за глубокого снега обойти их было невозможно; мрачную картину дополняли развороченные снарядами дома. Рано и прочно замерзла Нева, поэтому для сокращения пути все ходили по льду, я тоже всегда ходила в ЛОИИ от Дома ученых наискосок до Ростральных колонн по Неве. Однажды обстрел застал меня на Неве, снаряды пробивали лед и в воздух вздымались мощные фонтаны воды, было очень красиво, но и жутко, но идти надо было и я шла.

К началу января вышли из строя водопровод и канализация. За водой приходилось ходить на Неву и черпать ее лежа из проруби, что было очень тяжело для обессиленных людей; в декабре остановились трамваи, и всюду надо было ходить пешком. В это же время прекратилась подача электроэнергии, и пришлось сделать самодельные коптилки, всячески экономя при этом керосин; экономили и спички, поэтому за огнем ходили из квартиры в квартиру с лучиной или жгутом бумаги, из-за чего часто возникали пожары. Город был тщательно затемнен, поэтому было очень трудно ходить по улицам, особенно в осенней темноте, чтобы не наткнуться друг на друга, некоторые носили на груди маленькие светящиеся кружочки. Тем не менее темные ночи и пасмурные дни мы предпочитали ясным, т. к. они затрудняли полеты вражеской авиации, а следовательно, и бомбежки.

Голод, холод, постоянные бомбежки и артобстрелы держали всех ленинградцев в состоянии сильного нервного напряжения, многие не выдерживали его, расслаблялись и гибли быстрее тех, кто был собраннее и всеми силами боролся за жизнь. Я как-то инстинктивно поняла, что нельзя позволить себе расслабиться, тем более еще и потому, что у меня на руках были родители. Поэтому я старалась вести регулярный образ жизни — вставала в определенное время, умывалась, чистила зубы, делала через силу зарядку и скудный паек хлеба не съедала сразу, а делила его на 3 приема. Ели хлеб и пили кипяток, заправленный ложкой муки или крупы.

Я и мои родители никогда не говорили о еде и холоде. И те немногие часы, когда горела коптилка или буржуйка, читали вслух «Войну и мир»

Л. Толстого, а в темноте много говорили о прошлом, вспоминали мое и моих родных детство и другие светлые дни и, конечно же, слушали радио, которое было включено круглосуточно.

Кроме работы в ЛОИИ и занятия хозяйственными делами, я заставляла себя ежедневно работать над монографией по истории русского города XVI – п. п. XVIII вв., материал для которой был уже собран; монография вскоре после войны была защищена мною как докторская диссертация. Это отвлекало меня и приносило мне удовлетворение.

Я твердо уверена, что строгий режим и творческая работа помогли мне выжить. Должна сказать, что гибель близких людей от голода при наличии денег, вещей, сознание полной беспомощности были гораздо тяжелее бомбежек и артобстрелов. В ЛОИИ я вместе с М. И. Стеблин-Каменской начиная с января 1942 г. регулярно занималась разбором бумаг погибших сотрудников, что было весьма нелегким делом, т. к. в помещении стояла минусовая температура, а бумаги были перепутаны, лежали не только в столах и на столах, но и в самых неподходящих местах, так, например, рукопись II тома «Крымской войны» Тарле оказалась за шкафом, а машинопись докторской диссертации Бяткина почему-то была брошена в корзину для мусора. Удалось почти полностью собрать архивы А. И. Васильева и И. В. Мешалина. Защищенную же Мешалиным уже во время войны (30/X 1941 г.) кандидатскую диссертацию, посвященную крестьянской текстильной промышленности Московской губернии в XVIII – начале XIX в., удалось не только сохранить, но и опубликовать в 1950 г.

От архивов Н. Ф. Лаврова, Н. С. Чаева и других уцелели лишь фрагменты. Сохранившиеся неопубликованные статьи Н. С. Чаева были опубликованы сразу же после войны в конце 40-х годов.

Архивы же С. А. Анненского, А. П. Чулошинова и других, находились у них дома и погибли; особенно жаль архив Анненского, в котором находился подготовленный к печати текст и перевод сочинения Поссевино. Все, что удалось найти, хранится в архиве ЛОИИ.

В 1942 г. и зимой 1943 г. М. И. Стеблин-Каменская и я несли дежурство вместе с сотрудниками институтов востоковедения, русского языка, археологии и др. по охране помещения в главном здании АН, где было относительно тепло и близко находилась академическая столовая, где иногда без карточек можно было получить тарелку супа из хряпы и кусочек студня неизвестно из чего. Вообще жизнь сотрудников АН, оставшихся в Ленинграде, концентрировалась вокруг ЛАХУ, где мы получали зарплату, карточки, где позднее распределялись посылки.

приходившие с «Большой земли» в АН, где происходило направление на работы и т. д.

Опустевшие комнаты ЛОИИ производили гнетущее впечатление, и мы чувствовали себя там как на кладбище. За время блокады в самый тяжелый период ее (декабрь – февраль) погибло более 19 сотрудников ЛОИИ, в том числе и академик С. А. Жебелев, умерший 28 декабря 1941 г. Все эти люди, обессилевшие от голода и холода до последнего дня своей жизни оставались на своем посту. Едва держась на ногах, по глубокому снегу, в лютый мороз, в темноте, под непрерывными бомбежками и артиллерийскими обстрелами добирались они в ЛОИИ, где в насквозь промерзшем помещении старались не прекращать свою научную работу, несли службу по охране здания БАН, так эти гибнущие люди внесли свой вклад в оборону Ленинграда, охраняя его научные ценности. Некоторые из сотрудников, придя в ЛОИИ не имели уже сил вернуться домой и умирали в помещении ЛОИИ (так умерли Н. Ф. Лавров, И. В. Мешалин, М. И. Лилеев). Все они, несмотря на невероятно тяжелые условия блокады, твердо верили в нашу победу и страстно хотели дожить до нее. Гибель всех этих людей, полных сил, творческих замыслов, глубоко преданных науке, была тяжелой утратой для ЛОИИ не только в человеческом плане, но и в научном, т. к. все они были в расцвете творческих сил (большинству из них было от 40 до 50 лет), были вполне сложившимися учеными и являлись высококвалифицированными специалистами, каждый в своей области. Так, Н. Г. Богданова, М. И. Стеблин-Каменская и А. П. Чулошников были специалистами по истории народов СССР, Богданова — Кавказа, Стеблин-Каменская — Казахстана, Чулошников — Башкирии, А. И. Васильев, Г. Д. Гейерманс, Н. Ф. Лавров, И. В. Мешалин и Н. С. Чаев занимались историей СССР периода феодализма. Васильев был знатоком истории Новгорода и Пскова, Гейерманс и Лавров работали в группе по изучению и изданию Правды Русской; Лавров занимался также и историей русского летописания; Мешалин — историей крестьянской промышленности XVIII – п. п. XIX в.; Чаев был талантливым, тонким исследователем, круг его научных интересов был широк, он занимался историей крестьян Русского Севера XVI в., историей народных движений (Разин, Булавин), политической историей России XVII в. С. А. Анненский крупный медиевист, заведовавший западноевропейской частью архива ЛОИИ и хорошо знавший документы ее. Н. В. Тимофеев, работавший в русской части архива ЛОИИ, был замечательным палеографом, для которого не существовало непрочитанных документов. Не говоря уже об академике С. А. Жебелеве, ученом с мировым именем.

Гибель ведущих сотрудников ЛОИИ на долгие годы оголила отдельные участки в работе ЛОИИ, нарушила преемственность поколений и потребовались многие, многие годы и усилия, чтобы воспитать новое поколение ученых.

С конца декабря 1941 г. начала действовать «Дорога жизни», и стало чуть-чуть легче, хлебный паек служащих увеличился до 300 граммов, но ослабевшие люди и в первую очередь мужчины продолжали умирать; 6 февраля 1942 г. умер и мой отец, 64-летний здоровый и сильный мужчина, я свезла его в фанерном гробу на санках через Неву на Охтинское кладбище, где могильщики за буханку хлеба, сэкономленного в течение недели, похоронили его в ограде, рядом с моей сестрой, умершей в 1938 г.

С нетерпением мы ждали весну, когда можно будет раскрыть окна, увидеть свет, солнце, зелень и наконец согреться. Весна принесла новые заботы и трудности. Все население Ленинграда было мобилизовано на очистку города, и истощенные люди, преодолевая слабость, выходили на работу и в короткий срок навели в городе образцовый порядок и чистоту, в результате чего никаких эпидемий не последовало. Эти работы проводились по месту жительства, из сотрудников ЛОИИ в них принимали участие Д. П. Каллистов, Р. Б. Мюллер, Н. Н. Полянская, М. И. Стеблин-Каменская и я. С середины апреля пошли первые трамваи, и я уже могла ездить на работу в трамвае, что значительно сэкономило силы, а звонки трамваев как-то оживляли город. Начали функционировать бани, чем мы с матерью немедленно воспользовались. Возможность же собирать и есть дикорастущие растения помогла бороться с голодом и авитаминозом. Весной 1942 г. мы ели почки и молодые листья липы, крапиву, лебеду, листья одуванчика, пили настойку из хвои. За зеленью я ходила пешком с улицы Петра Лаврова к больнице Мечникова, где тогда жили мои друзья, т. к. найти съедобную траву в городе было невозможно, к тому же здесь она была очень плохого качества; иногда я прихватывала там и немного дров, делая запас на зиму. Старались как можно больше бывать на воздухе и солнце. Весной этого же года сотрудникам АН отвели огородные участки в Ботаническом саду АН. Я посеяла (семена дал БАН) морковь, свеклу, турнепс, посадила лук и помидоры, к сожалению большая часть урожая была похищена, что было большим ударом для меня, т. к. я очень рассчитывала на свой урожай, в который вложила много труда и сил, которых было мало, да и уход за огородом при постоянных артобстрелах был далеко небезопасным делом. Однажды я с сотрудницей Института русского языка Э. А. Якубинской попали на своих огородах под сильный артобстрел, а после обстрела мы нашли на своих участках еще горячие

осколки снарядов, один такой осколок долго лежал на моем письменном столе.

Весна принесла облегчение, но тысячи людей настолько ослабели за зиму, что ничто уже не могло им помочь и они умирали. Не могу не вспомнить здесь с благодарностью А. М. Андреева, организовавшего продуктовую посылку из Карело-финского филиала АН, которая пришла весной 1942 г. и очень поддержала меня с матерью.

К прежним работам в ЛОИИ весной и летом 1942 г. прибавились еще заботы о документах архива и книгах библиотеки ЛОИИ, находящихся в цоколе БАН, надо было систематически пересматривать рукописи и книги, протирать их, проветривать, дезинфицировать и т. д., чтобы не завелись плесень, грибок, не появились жучки и другие вредители; заколачивать окна, стекла в которых постоянно выбивало взрывной волной или их выбивали выздоравливающие солдаты из соседнего с БАН госпиталя в погоне за книгами. Проветривание и дезинфекция рукописей и книг производилась также весной и летом в 1943 и 1944 годах. Это дало положительные результаты, и за время блокады и войны не пострадала ни одна рукопись или книга.

Весной 1942 г. в жизни научных сотрудников АН произошло важное событие — 16 марта был создан Объединенный ученый совет, в который вошли все оставшиеся в Ленинграде сотрудники гуманитарных институтов АН. Его возглавил академик И. Ю. Крачковский. В моей памяти сохранилось первое заседание совета, состоявшееся 1 апреля. Все кто мог прийти — пришел. Заседание происходило в одной из комнат первого этажа главного здания АН с окнами во двор, чтобы уберечься от возможного обстрела, все были в шубах, шапках, валенках, рукавицах. Вид у всех был ужасно истощенный, но все радовались, видя знакомые лица и чувствуя, что самое страшное уже позади, что снова начинается более или менее нормальная жизнь. Заседание открыл Крачковский, выступило несколько человек (в том числе А. И. Андреев), интересно, что все выступавшие говорили о задачах науки не только на данном этапе, но и на будущее время, так сильна была вера этих измученных людей в светлое будущее. На этом же совете, в июне, М. Е. Сергеев защитила докторскую диссертацию. Этот ученый совет не только оживил научную работу, но и поднял настроение, вселил бодрость, но деятельность его не была продолжительной, т. к. в течение лета многим удалось уехать из Ленинграда, в том числе и тяжело больному И. Ю. Крачковскому (25/VI-42 г.)

Осенью 1942 г. я в составе академической бригады была направлена на заготовку дров для госпиталей, больниц, бань и других учреждений.

Ходили мы на работу в Новую деревню пешком, где ломали и разбирали покинутые деревянные дома. С работы нам разрешалось уносить с собой, кто сколько сможет, дров, что я и делала, ежедневный мешок дров был большим подспорьем для нас.

18 января 1943 г. блокада была прорвана и условия жизни стали быстро улучшаться, но бомбежки и артобстрелы не только продолжались, но и значительно усилились, т. к. фашистам стало известно, что с прорывом блокады и установлением постоянной железнодорожной связи с «Большой землей», в Ленинграде многие промышленные предприятия возобновили работу. Поэтому возможность не дожить до победы оставалась, а ожившим людям так хотелось выжить, дождаться победы над ненавистным врагом.

20 марта 1943 г. неожиданно и нелепо погибла М. И. Стеблин-Каменская, человек исключительной честности и верности своему долгу, ее светлый образ навсегда остался в моей памяти. Я осталась вдвоем с Н. Н. Полянкой, заведующей библиотекой ЛОИИ, замечательным человеком, который будучи больным человеком, во все время блокады еле держалась на ногах, но сохранила библиотеку ЛОИИ в целости. Обе эти женщины, мои старшие товарищи, всегда были для меня образцом мужества, стойкости, преданности своему делу.

С 1 августа 1943 г. в ЛОИИ начала работать в качестве м. н. с. М. Л. Егорова, которая помогала нам с Н. Н. Полянкой обрабатывать документы и книги, находящиеся в цоколе БАН, и летом 1944 г. вместе с Н. Н. Полянкой входила от ЛОИИ в бригаду по проверке и описанию бронированного фонда АН СССР, в котором находились все издания АН, начиная с ее основания. В 1944 г. в ЛОИИ была зачислена вместо Егоровой В. И. Садикова, которая проводила большую и трудоемкую техническую работу по реэвакуации сотрудников и их семей. Реэвакуация была очень сложным делом прежде всего из-за того, что сотрудники ЛОИИ эвакуировались не в организованном порядке, находились не в одном месте, некоторые потеряли документы и т. д. С весны 1943 г. я несла дежурство в БАН и являлась ответственным дежурным, поэтому должна была два раза в сутки обходить все здание БАН от подвалов до чердаков, а по тревоге размещать дежурных по их постам, мое же место было у телефона и репродуктора. Мне везло, за все время в мои дежурства не случалось серьезных тревог. Не повезло лишь один раз, когда в конце января 1944 г. я не смогла покинуть дежурное помещение и выйти на улицу и увидеть салют в честь полного освобождения Ленинграда от блокады, мне было очень досадно, ведь этого дня все мы, ленинградцы, так долго и с таким нетерпением ожидали.

После прорыва блокады улучшилась связь с «Большой землей», а следовательно и с товарищами, находившимися в эвакуации, поэтому к прежним заботам по охране и сохранности архива ЛОИИ прибавились поручения сотрудников, находящихся в эвакуации, по подбору и высылке им книг, наведении справок в библиотеках и архивах, даче сведений о состоянии их квартир и имущества. Однажды, возвращаясь с проверки квартиры Д. П. Каллистова, я попала под жесточайший артобстрел, длившийся с перерывами целый день. Мне пришлось несколько часов просидеть в бомбоубежище на Кировском проспекте, а когда я вышла на улицу, то увидела лужи крови, ярко блестящей на солнце. Интересно, что эту жуткую картину я отчетливо вспомнила много лет спустя, в конце 60-х годов, когда возвращалась после сильного дождя солнечным августовским вечером из БАН, лужи, но теперь уже не крови, а воды, также ярко блестящие на солнце, отчетливо напомнили мне августовский вечер 1943 г.

В сентябре 1943 г. была создана группа историков ленинградских учреждений АН при Институте этнографии. Ее возглавил д. и. н. Ю. П. Францев, ученым секретарем ее была сотрудница Института этнографии К. Б. Вяткина. Группа регулярно собиралась в бомбоубежище Института этнографии. На заседаниях делались доклады, относящиеся к различным проблемам исторической науки. Например, я сделала доклад об осаде Тихвина шведами в 1613 г., мой доклад прошел под аккомпанемент артобстрела, что было весьма уместно, но мало приятно. Деятельность группы сплотила оставшихся в живых историков, удовлетворяла их стремление к постоянному творческому общению, поэтому я с благодарностью вспоминаю о работе этой группы.

20 января 1944 г. Ленинград был полностью освобожден от блокады. Помню как утром 14 января, идя в БАН и находясь у главного здания БАН, я услышала сильную канонаду. Поравнявшийся со мной морской офицер радостно воскликнул, «началось», я мрачно ответила «есть чему радоваться», т. к. была уверена, что это очередной обстрел, а офицер просто хочет успокоить меня. Тогда он сказал мне, что это наша артиллерийская подготовка к начинающимся сегодня боям под Ленинградом и что на этот раз блокада обязательно будет снята полностью. Я не очень поверила ему, т. к. попытки освободить Ленинград делались неоднократно. Все же придя в БАН, я рассказала товарищам о своем разговоре с моряком, вскоре радио подтвердило его слова. В течение 6 суток все ленинградцы жили в страшном напряжении, ловили каждое сообщение радио о ходе боев, нервничали, очень уж все устали, очень хотелось освободиться от вечного напряжения и дожить до полной победы над врагом.

Вспоминая о первых спокойных днях после снятия блокады, не могу не сказать о том, что каждый ленинградец, испытывая великое облегчение, радость, остро чувствовал и горечь за недоживших до этих дней родных, близких, товарищей.

С полным освобождением Ленинграда от блокады связь с эвакуированными сотрудниками ЛОИИ стала регулярной, а с июля 1944 г. начали возвращаться в Ленинград товарищи.

Должна сказать, что мы, пережившие блокаду в Ленинграде, очень боялись встречи с возвращающимися товарищами, волновались, много говорили об этом, т. к. думали, что за годы блокады стали неполноценными людьми в физическом и умственном отношении, отставшими от жизни и науки, не знали, как нас таких будут воспринимать, сможем ли мы полноценно, в уровень с ними работать. Но все оказалось значительно проще. Вернувшиеся товарищи отнеслись к ленинградцам с большой теплотой, а мы с радостью включились в коллектив и с жадностью набросились на работу.

Лето 1984